

Три кита

Издание: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 20 августа 2002.

Как только прошел слух, мужики сейчас же выбрали комитет. А в комитет избрали трех человек: Николая-сапожника, Степана и лавочника.

Николая выбрали за то, что он очень долго говорить мог и выдумывать то, чего до него никто не выдумывал.

Степана выбрали за то, что у него душа была уж очень хорошая, он всегда говорил о том, чтобы всем было хорошо и чтобы все было по справедливости, и все были бы равны.

И совесть у него была замечательная. Он скорее своему готов был отказать, но чужому никогда не отказывал.

Лавочника выбрали просто от хороших чувств. От этих же чувств выбрали бы и помещика, чтобы показать, что они зла не помнят, но не решились, побоявшись молодых, которые должны были скоро вернуться с фронта. И потому остановились на лавочнике.

-- Он хоть жулик номерный, но деляга,-- говорили мужики.

-- Без жулика нешто можно, потому он тебе все знает, где, как и что. Может, он не для себя только будет стараться, а и для общества.

-- Довольны своими? -- спрашивали соседние мужички из слободки.

-- На что лучше. Одно слово -- три кита. На подбор.

Деятельность избранных распределилась очень хорошо. Николай работал головой и языком. Он добивался главным образом того, чтобы устроить жизнь так, как еще нигде не было. И потому он взял на себя разработку планов, проектов.

-- Главное дело -- выдумать,-- говорил он,-- а сделать-то всякий дурак сделает.

Но у него был один серьезный недостаток: он свои планы никогда не согласовывал с жизнью. Чем меньше возможности было выполнить на деле то, что он придумал, тем для него было лучше: значит, так сразу далеко шагнул, что и рукой не достанешь. Значит, голова работает.

А голова, действительно, хорошо работала: не проходило дня, чтоб его не осеняла новая идея. Идей этих было столько, что он едва успевал их выкладывать, и даже часто сам забывал сегодня о том, о чем говорил вчера.

-- Что ж ты, черт! Ведь вчера совсем другое говорил! -- кричали ему мужики.

-- Нешто все упомнишь,-- отвечал Николай,-- хорошо у вас одно дело, а я обо всем думаю.

Начал он с того, что деревню сразу превратил в столицу. По его плану, нужно было открыть школу для взрослых, столярную мастерскую, агрономические курсы, народный дом, пчеловодные курсы и театр. И все сразу и в разных помещениях, чтобы путаницы не было.

-- А денег откуда возьмешь? -- спрашивали мужики.

-- Ерунда. По копейке со всех соберем, вот тебе и школа для взрослых.

-- А насчет столярной мастерской?

-- Ерунда. По две копейки со всех соберем, вот и все.

-- А на агрономические курсы, значит, по три будет?..

На другой день школа и курсы отменялись, потому что у Николая мысль направилась куда-нибудь совсем в другую сторону. И мужики облегченно вздыхали при мысли, что одна копейка, две копейки и три копейки останутся в кармане. И чувствовали даже повышенное расположение к Николаю, что он так хорошо говорил, и в конце концов ничего не придется платить за это.

Такие перемены в решениях и планах Николая происходили оттого, что он никак не мог утерпеть, чтобы не говорить о задуманном со всяким встречным или первым попавшимся под руку приятелем. И если таких приятелей попадалось десятка полтора, то к вечеру задуманное до того ему надоедало, и так он уставал от него, точно работал целую неделю день и ночь.

-- Как у тебя голова только терпит? -- говорили мужики.